

А. МАЛДЫБАЕВ,
народный артист
СССР.

Рассказ о моей жизни

верблюды. Там, на границе моей земли и земли Китая, наш караван был настигнут войсками царя. Нам кричали, чтоб мы вернулись назад, а мы шли. В нас стреляли, а мы шли. Когда мы перевалили через Бедель, дорога позади нас была устлана трупами людей и скотины, — всех вместе...

Домой

В Китае, в городе Уч-Турфан, отец нанялся батраком к купцу. Мне исполнилось

одиннадцать лет. Купец взял меня в дом нянькой. Я нянчил его детей, таскал воду и подметал двор. Жилось нам не лучше, чем дома. Ели мы мало, спали на земле.

Но вот однажды настал вечер, когда окончилась одна жизнь и началась другая, новая, ничем не похожая на прежнюю.

Отец сказал нам, что издалека, с нашей земли, пришёл киргиз. Он принёс удивительные вести: будто по ту сторону перевала Бедель появился русский человек — великий человек. Он прогнал царя, он выгнал всех баяв. Киргизы снова могут вернуться на родину, спуститься в долины, и каждому киргизу, который приходит, дают землю, хорошую землю, много земли. Всё, что ты посеешь на этой земле, — твоё.

— Этот человек — Ленин, — сказал отец, — он наш брат. Ленин зовёт киргизов домой. Всю ночь снился мне Ленин. Я видел во сне, как приходит к нему отец и Ленин даёт отцу землю.

На рассвете мы оставили дом купца и вместе с другими киргизами пешком по-

— Ильич, ты велел мне учиться. Я, Абдылас, сделал, как ты велел. Я учусь. Но Ленина я не увидел. Ленин умер.

В Москве, на Красной площади, хоронили Ильича.

«Что же будет с нами? — спрашивал я себя. — Как будем жить без Ленина?»

И тогда весь мир узнал, что над гробом Ильича его верный соратник — товарищ Сталин — дал клятву: продолжать то дело, которое начали они вместе с Лениным. С того дня в моей душе они стоят рядом — два самых великих человека на земле — Ленин и Сталин.

...Я шёл домой по улицам моего города и думал об Ильиче. В эту ночь я создал свою первую песню — песню о Ленине.

Двадцать пять лет

Двадцать пять лет прошло с того дня. Каждый год складывается из месяцев, каждый месяц складывается из дней. И с каждым днём мой народ идёт всё дальше и дальше по той дороге, которую открыл ему Ленин.

Столетие за столетием из юрты в юрту кочевала по киргизской земле «Манас» — древняя поэма, творение моего народа. И никто не мог записать звучные строфы поэмы, потому что у киргизов не было даже азбуки... А сейчас я держу в руках толстую книгу: «Манас». Поэму собрали строчку за строчкой и записали по-киргизски. Рядом с древней поэмой на моей книжной полке стоит повесть «Аджар» — книга советского писателя киргиза Баялинова.

Это первая наша книга. С неё начинается свою жизнь киргизская литература. И русская литература стала для нас родной. Киргизы читают на своём языке Пушкина и Грибоедова, Гоголя и Крылова, Чехова и Горького. В театре оперы и балета киргизы слушают теперь на родном языке «Евгения Онегина» Чайковского и «Манас» — нашу национальную оперу.

На киргизскую сцену пришли Островский и Гоголь, Шекспир и первый киргизский драматург Джантошев.

В Киргизии есть филиал Академии наук СССР, и наш народ уже выращивает своих первых учёных.

И снова я вспоминаю всю мою жизнь. Я вижу, как по голодным степям из кочевья в кочевье идёт нищий певец — акын.

Он перебирает струны комуза* и поёт. Это хорошие песни — песни о моём народе... Но коротка память человека. Песня рождается и песня умирает, и никто до сих пор не мог записать её тоскливую мелодию, потому что киргизы не знали нот. Никто не учил музыке киргизов. А теперь на моём столе лежит толстая тетрадь — музыкальная драма «Аджал-Ордуна». Это мелодии моего народа, которые я услышал и записал. С этой рукописи, с 1934 года начинается моя жизнь молодая киргизская музыка.

Год идёт за годом, и каждый приносит свои радости. Вот меня, сына простого батрака, избрали депутатом Верховного Совета. На вокзале в Москве я увидел таджиков, узбеков, грузин, которые приехали вместе со мной, чтобы решать важные дела нашего государства.

Я помню Москву 1937 года. В первый раз я пришёл на Красную площадь. Это старики велели мне раньше всего пойти туда, где спит наш Ленин. Это мой старший отец просил меня принести ему в юрту горсть московской земли. И я бережно завернул в платок мёрзлый серый ком и спрятал его на груди, там, где стучит моё сердце.

И ещё два года прошли. В Москве — декада киргизского искусства. В самом лучшем театре столицы — в Большом театре Союза ССР — идёт опера «Ай-Чурек», первая киргизская опера. Я стою за кулисами, а в ложе, рядом со сценой, сидит великий Сталин со своими соратниками и слушает мою музыку...

И вот я возвращаюсь из Кремля. Только что мне вручили орден. Я поднимаюсь на двенадцатый этаж гостиницы и настежь открываю окно. Внизу, переливаясь огнями, шумит лучший город мира — Москва, столица моего государства, в котором всем народам живётся так радостно и просторно. И я думаю: что было бы со мной, если бы меня, как и миллионы таких, как я, не вывели к свету Ленин и Сталин?

Я кладу на ладонь орден, на котором поблёскивает маленький силуэт Ильича, и долго смотрю на него.

* Комуз — киргизский музыкальный инструмент, нечто вроде балалайки.

Я плохо помню своё детство, но помню ясно, что я никогда не наедался досыта и что отец мой никогда не играл с нами, детьми, потому что уходил он из дому ещё до восхода солнца, а возвращался домой с поля поздно вечером, когда было уже темно.

Родился я в кочевом киргизском ауле, в Чуйской долине, под снежными вершинами Тянь-Шаня, на берегу быстрой реки Чу.

Мы сеяли ячмень и пшеницу, и земля давала хороший урожай. Но земля была не наша: земля была байская, и одну треть урожая забирали чиновники русского царя, вторую — бай. Нам оставалась одна треть, и мы растягивали её на целый год. Два раза в день мать варила нам джарму — болтушку из жареного ячменя, растёртого между двух плоских камней.

— У твоего отца только одна лошадь, — говорила мне мать. — Одна лошадь, одна юрта из старой кошмы, а в юрте много ртов, и они каждый день просят есть. Твой отец — бедняк, живётся нам худо, а старики, которые знают всё, говорят, что будет ещё хуже.

Да, старики говорили правду. Землю, в которой лежал прах моего деда, землю, где каждый кустик мне был знаком, бай продал. Нас выгнали с этой земли. Нас прогнали высоко в горы и сказали нам, что теперь здесь будет наша земля. А там земли не было, а были одни только камни. На камнях нельзя сеять: на них ничего не растёт. Даже малые дети понимали, что скоро все мы умрём с голоду.

1916 год — самый страшный год в моей жизни. В наш аул пришли царские солдаты. Они сказали нам, что все мужчины и все лошади должны идти на войну, которую ведёт русский царь.

А мужчины решили: пусть русский царь сам воюет. Тогда приехали царские солдаты, и они стреляли из ружей, и женщины в юртах плакали над покойниками.

Дорога в Китай

Мой народ, замученный баями и царскими чиновниками, решил оставить землю отцов и уйти в чужие края, в Китай.

Старики говорили, что это далёкий, трудный путь и немногие дойдут до конца его. Молодые отвечали, что пусть лучше немногие останутся живы, чем и они умрут вместе с другими на бесплодной каменной земле.

Я помню эту дорогу. Я закрываю глаза и вижу длинный караван. На верблюжьих горбах качаются дети, сложенные юрты прикручены к седлам лошадей... Днём и ночью, ночью и днём уходят киргизы всё дальше и дальше от своей земли.

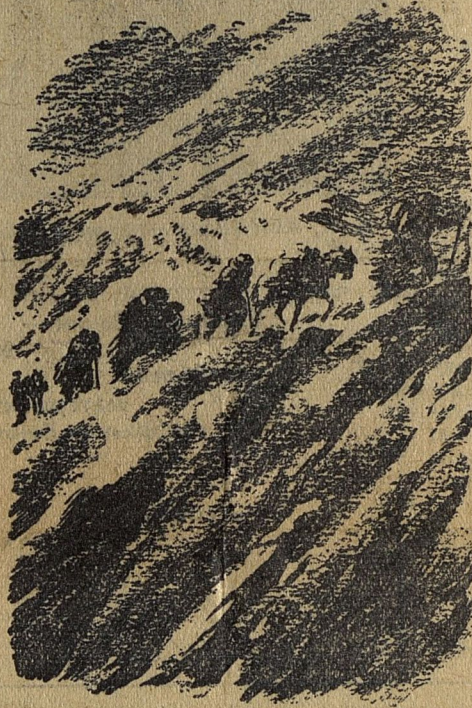
Мы шли вчетвером: отец, мать, я и маленькая моя сестра Матгуль. Мне было десять лет, я уже считался взрослым мужчиной и шёл пешком.

Мы прошли через Буамское ущелье, через долину Кочкор, через много-много других долин и других ущелий, названия которых я забыл. По обледелой тропе, где рядом не пройти человеку и верблюду, мы достигли перевала Бедель.

Да, это был страшный путь. Он длился тридцать дней и тридцать ночей, а на пятую ночь у лошадей до самого мяса стёрлись копыта, и они ложились на камни и больше уже не вставали. У нас кончилась еда, люди ели падаль и бальджуран — траву. Каждый день рядом с лошадьми падали люди. Там, среди камней, я оставил сестру мою Матгуль, которая умерла в дороге.

Высоко в горах ветер крутил снег, и не было вокруг ни одной щепки, чтобы развести костёр. Многие наши женщины с детьми так и остались в горах, занесённые снегом.

А мы всё шли и шли, и казалось, что никогда не будет конца этой дороге. На перевале Бедель с узкой ледяной тропы срывались в пропасть люди, лошади и

шли обратно. И снова мы шли тридцать дней и тридцать ночей, но, когда возвращаешься домой, даже самая дальняя дорога кажется не такой уж длинной.

Ленин велит

Это было в городе Токмак. Мы уже вернулись на родину, и мой отец сеял ячмень и пшеницу на своей земле.

В городе Токмак я первый раз в жизни увидел красные флаги. На площади собрался народ. Какой-то человек говорил, а все слушали. И я тоже слушал.

Человек говорил, что наступила новая жизнь и киргизы вместе с другими народами сами будут хозяевами своей земли. Киргизы начнут учиться — каждый киргиз научится читать и писать. Он много ещё говорил, этот человек. У меня кружилась голова, я протиснулся через толпу, дёрнул его за рукав и спросил:

— А мне что делать, скажи?
— Учиться, — ответил он. — Учиться! Ленин велит тебе так.

«Ленин велит» — и я пошёл учиться. Я, как ребёнок, радовался, когда из букв складывались слова. Сначала я учился в школе, потом поступил в педагогическое училище.

Шёл 1924 год. Мне уже было 18 лет. Я думал о том, как, окончив училище, я поеду в Москву, увижу Ленина и скажу ему: